

**АНТИЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
И СОПРОТИВЛЕНИЕ КАТОЛИКОВ (1930-Е ГОДЫ)
Ж. В. ЯКОВЛЕВА**

Яковлева Жанна Владимировна — аспирант, кафедра отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия

E-mail: jgv1972@yandex.ru

Статья посвящена процессу изъятия церквей у верующих, в Саратовском Поволжье в период антирелигиозной кампании советской власти в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Автор исследует поведение католиков на местах. Убедительно показывается непримиримое сопротивление немецких крестьян антицерковной политике, их стремление отстаивать свои традиционные устои жизни.

Ключевые слова: религиозная жизнь, сопротивление верующих, Саратовское Поволжье, Республика немцев Поволжья, антирелигиозная кампания, закрытие церквей, католицизм.

ВВЕДЕНИЕ

Россия — многоконфессиональная держава. Кроме Русской православной церкви, всегда занимавшей ведущие позиции в обществе, активную роль занимают и другие конфессии, включая католичество. В условиях ренессанса современной конфессиональной жизни в России, важную роль приобретает налаживание цивилизованных межконфессиональных отношений, разумная политика государства как по отношению ко всему многоконфессиональному сообществу, так и в отношении каждой конфессии отдельно. В этих условиях могут оказаться полезными как позитивные, так и негативные уроки взаимоотношений Советского государства и церкви в 1930-е годы, когда эти взаимоотношения фактически носили характер военного противоборства, в котором государство наступало, пытаясь «выкорчевать» религию из общества, а верующие различных конфессий — оборонялись, пытаясь отстаивать свое право на свободу совести. Формы обороны были разные. Жесткое сопротивление государственному произволу оказывали крестьяне католических сел Поволжья, не останавливаясь перед использованием силовых методов и даже — свержением советской власти в отдельных населенных пунктах.

В данной статье покажем формы и методы борьбы католического населения Поволжья за сохранение своих основополагающих устоев жизни, составной частью которых была Вера.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Одной из основ большевистской теоретической доктрины являлся воинствующий атеизм. Поэтому среди задач практической деятельности большевиков после их прихода к власти стояла задача непримиримой борьбы с любой религией и церковью вплоть до их полного уничтожения. В соответствие с этими целями формировалось антицерковное государственное законодательство, не только отделившее церковь от государства и школу от церкви, но и лишившее церковь имущества и права юридического лица. На этом основании гонениям стали подвергаться все без исключения конфессии, существовавшие в России. Наиболее агрессивный характер антицерковная кампания приобрела в 1930-е годы. Несмотря на лицемерные призывы центральной власти соблюдать законы и принцип добровольного отказа от веры и церкви, местная власть, опираясь на жесткое антицерковное законодательство учинило невиданный произвол силовыми методами уничтожая церковную организацию, отбирая у верующих храмы, репрессировав священнослужителей и религиозных активистов. В принципе одинаковая ко всем конфессиям антицерковная политика и практика государства вызывала неодинаковую реакцию у верующих различных конфессий. В Саратовском Поволжье активное самоотверженное сопротивление государственной политике оказывали католики.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках истории повседневности, ещё не имеющей единого подхода к пониманию своего предмета исследования. Автору импонирует подход, выраженный в теоретико-

методологических воззрениях германских и итальянских основателей истории повседневности Ф. Ульриха, А. Людтке, М. Шульце и др. «Важнее всего, — пишет А. Людтке, — изучение человека в труде и вне его... Центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего» [1, с. 77]. Именно таким методологическим подходом руководствовался автор, создавая настоящее исследование.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Саратовском Поволжье по переписи 1926 г. проживало свыше 420 тыс. немцев, из них примерно 15 %, т.е. 63,1 тыс. чел. были католиками. Подавляющее их большинство проживало в Республике немцев Поволжья. Католицизм исповедовали также 2,1 тыс. поляков, проживавших в регионе. Таким образом, в Саратовском Поволжье к началу 1930-х гг. насчитывалось 65,2 тыс. католиков [2, с. 69, 70]. Саратов являлся центром Тираспольской католической епархии, занимавшей огромную территорию, включавшую Поволжье, Кавказ, Украину и Бессарабию. Резиденцией являлся католический кафедральный собор Св. Клеменса, располагавшийся на бывшей Немецкой улице (ныне кинотеатр «Пионер» на проспекте им. Кирова). По количеству верующих в Саратовском Поволжье католическая церковь занимала 4 место после православия, лютеранства и ислама.

Как и все другие церкви, католики после антицерковных декретов 1918 г. потеряли всю свою недвижимую собственность: земли, строения и др. Резко осложнились условия их деятельности. И все же, несмотря на первоначальный сокрушительный удар, в дальнейшем на первых порах в политике большевиков по отношению к различным религиозным конфессиям имелись некоторые различия. Главным объектом политического насилия первоначально стала Русская православная церковь. Что же касается католичества, то, как пишет О. А. Лиценбергер, поначалу политика власти в отношении этой конфессии не отличалась резкой агрессией и жестокими мерами т.к. еще не твердо стоявшее на ногах Советское руководство не хотело портить отношения с самой влиятельной и могущественной конфессией мира и ее руководством в лице Папы в Ватикане. К тому же смягчению антикатолической пропаганды способствовал Рапалльский советско-германский договор от 16 апреля 1922 г. [3, с. 238].

Однако, после того, как Папа Римский занял жесткую антикоммунистическую позицию, большевистская власть ужесточила свою политику и в отношении католической церкви.

После выхода в свет Постановления о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г., все конфессии в СССР уравнились в своей бесправии по отношению к советской власти. Начался новый виток гонений на церковь и веру, по стране прокатилась волна репрессий против духовенства, началось массовое закрытие храмов. Репрессии против католического духовенства и «изъятие храмов» сопровождалось протестами населения, доходившими до вооруженных столкновений.

8 февраля 1930 года Пий XI в письме кардиналу Помпилио, опубликованному на следующий день в «Оссерваторе Романо» осудил христианские гонения в СССР: «Сеньор Кардинал, мы глубоко потрясены ужасными и святотатственными злодеяниями против Бога и души, которые, повторяясь, усиливаются изо дня в день среди бесчисленного населения России, дорогого нашему сердцу». Далее Папа Пий XI пишет об усилиях, приложенных в ходе Женевской конференции для признания Советским правительством свободы культов, сохранения за католической церковью собственности и почитание религиозных убеждений. Пишет о помощи голодающим детям России, которую оказывали благотворительные организации, сумевшие сохранить жизнь 159 тыс. детей, но которую не принимало Советское руководство. После чего представители благотворительных организаций вынуждены были оставить свое благочестивое дело «так как власти предпочитали приговорить к смерти тысячи невинных, чем видеть их накормленными христианской милостью» [4. Д. 1757. Л 14; 3. С. 27].

Папа Римский обвинил большевиков в репрессиях против католических священников и простых верующих, которых сажали в тюрьмы, ссылали и приговаривали к принудительным работам. 19 марта 1930 года Пий XI отслужил специальную мессу в поддержку преследуемых католиков СССР, осудил убийства священников и «моральное развращение молодёжи», а также просил у всех почитаемых святых «прощения и милости для жертв и самих палачей» [4. Д. 1757. Л. 16]. Советским правительством все эти действия папы Пия XI были интерпретированы как объявление «крестового похода» против СССР.

Действия Папы Римского имели под собой определенные основания. Начавшаяся осенью

1929 г. в немецких селах сплошная коллективизация сопровождалась массовой атакой на церковь, в ходе которой священнослужители подвергались издевательствам и репрессиям, а церкви закрывались административным порядком без учёта мнения населения или же это мнение фальсифицировалось.

8-11 декабря в Республике немцев Поволжья прошёл 1-й съезд колхозников, на котором при явном попустительстве партийного руководства Немреспублики, и, в частности, организовавшего и проводившего съезд заведующего отделом обкома по работе в деревне А. Вельша, был принят ряд решений, резко накаливших и без того напряжённую обстановку в деревнях. В постановлении «О наступлении на религию» съезд провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения «ликвидацию» религии и закрытие церквей. Решения съезда колхозников даже в условиях начавшейся гонки за темпами коллективизации выглядели настолько экстремистскими, что несколько позднее обком партии вынужден был отмежеваться от них, признав их «левым загибом» [4. Д. 1673. Л. 52-53].

Всё нараставшее возмущение крестьян в последние дни 1929 г. переросло в мощный социальный взрыв. Начались массовые выступления крестьян более чем в 30 сёлах Немреспублики (Келлер, Гильдман, Пфайфер, Лейхтлинг, Гебель, Семёновка и др.), протестовавших против огульной коллективизации и раскулачивания, против закрытия церквей и снятия колоколов. Наиболее острые формы выступления приняли в католических сёлах Каменского и Франкского кантонов. Как правило, инициаторами выступлений становились женщины. Так, например, жительница села Пфайфер Амалия Гефнер заявила 11 января 1930 г. прибывшему в район «беспорядков» председателю Центрального Исполнительного Комитета Республики немцев Поволжья Иоганну Швабу: «Мы хотели идти в церковь, а церковь была закрыта. Председатель церковного совета ответил, что ему приказали запретить церковь... Мы требовали выдачи конфискованного у патера имущества... Без патера мы жить не можем и будем его поддерживать» [4. Д. 1673. Л. 174-175].

В ходе выступлений крестьяне освобождали арестованных, распускали колхозы, забирали назад собственное имущество, при этом возвращалось имущество и раскулаченным крестьянам. Христианские нравственные устои явно брали верх над коммунистическими классовыми заповедями.

Характер настоящего восстания принял социальный взрыв в католическом селе Мариенфельде Каменского кантона. Восставшие разогнали сельсовет, партийную ячейку, дали отпор нескольким попыткам милиции захватить село и арестовать «зачинщиков». Восстание было подавлено лишь во второй половине января вооружённым отрядом ГПУ. Репрессиям подверглись свыше 60 крестьян. События в Мариенфельде вызвали серьёзную обеспокоенность в Центральном Комитете ВКП(б). От областного комитета ВКП(б) АССР НП потребовали подробного отчёта о происшедших в Мариенфельде выступлениях и принятия мер к недопущению подобных явлений впредь [6, с. 71]. Это указание Центра обком не смог выполнить. Ему не раз впоследствии приходилось направлять подробные отчёты о крестьянских волнениях в тех или иных районах Немреспублики.

В начале 1930 г. в Немреспублике широкую скандальную огласку получило так называемое «дело Кампгаузена». Председатель Маркштадтского кантонального Совета безбожников Л. Кампгаузен под угрозой расстрела, под дулом пистолета заставил патера и церковный совет маркштадтской католической церкви подписать заявление о передаче храма государству на «культурные нужды». За такие действия Главсуд АССР НП приговорил руководителя маркштадтских «безбожников» к двум с половиной годам лишения свободы. Однако Верховный Суд РСФСР заменил это наказание на условное. Нарком юстиции РСФСР также взял Л. Кампгаузена под защиту, заявив, что, «понимая своеобразно директивы партии и советской власти, Кампгаузен, стремясь к выполнению их на все 100 процентов и не имея достаточной поддержки и помощи со стороны более ответственных лиц, наделал ряд «головотяпских поступков», но таких, в которых нет ни корысти, ни личной заинтересованности...» [4. Д. 1733. Л. 221].

Антикоммунистическая риторика Папы Пия XI, а также отчаянное сопротивление католических сельских общин коллективизации, раскулачиванию, закрытию церквей ужесточила политику власти в отношении католиков в СССР. Во время голода 1932-1933 гг., тщательно скрывавшегося властью, российские немцы в своих письмах родственникам в Германию раскрыли этот секрет. В Германии развернулась мощная кампания помощи голодающим немцам в СССР, носившая явно выраженный антисоветский характер. Эту кампанию «оседлали» только что

пришедшие к власти нацисты, использовавшие ее для укрепления своего авторитета в обществе. В ответ в СССР с 1934 г. развернулась репрессивная кампания «борьбы с фашистами и их пособниками». «Фашистами» оказались люди, получавшие продовольственную и денежную помощь из Германии, «пособниками» — распространители этой помощи. Все они подверглись суровым репрессиям, а политика государства в отношении советских граждан, исповедовавших западное христианство, еще более ужесточилась. В пропагандистской работе с такими верующими помимо «разъяснения социальных корней и враждебной классовой сущности религии», требовалось обязательно указывать на «тесный союз фашизма и религии» [7, с. 324-329; 5. Д. 3. Л. 2].

Несмотря на сопротивление верующих, к середине 1930-х гг. власти удалось ликвидировать деятельность основных религиозных конфессий на территории Саратовского Поволжья. По региону прокатилась волна репрессий в отношении священнослужителей, включая и католических. В частности, к этому времени обязанности главы епархии фактически выполнял единственный католический священник Саратова А. Баумтрог. В 1930 г. он был арестован и приговорён к 10 годам лагерей, умер на Соловках. В 1935 г. закрывается кафедральный собор св. Климента. Апостольский администратор южной части Тираспольской епархии А. И. Фризон, тайно рукоположенный папским посланником Мишелем д'Эрбиньи был арестован в 1935 г. и расстрелян двумя годами позже, после чего Тираспольская епархия де-факто прекратила своё существование [3, с. 277, 295].

Как пишет А. А. Герман, центральная и региональная власть призывала свои кадры на местах «не форсировать отбирание церквей, не превращать антирелигиозную пропаганду в особые кампании. Антирелигиозная пропаганда должна вестись систематически на основе широкой массовой работы». Однако местные работники так работать не умели, да и не хотели. Поэтому, когда с завершением коллективизации постепенно затихло агрессивно-административное наступление на церковь, пропагандистская антирелигиозная работа у коммунистов оказалась в развале. Об этом красноречиво свидетельствует информация обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья о работе республиканского Союза безбожников, подготовленная в конце 1934 г.: «Организации «Союза безбожников» по существу нет. Около 2-х лет существует Оргбюро. Причём в феврале 1934 г. один состав оргбюро был распущен за явную неработоспособность... Сколько существует ячеек СБ по республике, Оргбюро не знает, связи с ними не имеет, какая работа ведётся на местах по этому вопросу. Оргбюро не знает» [7, с. 361].

Тем не менее, второй половине 1930-х гг. власть вынуждена была усилить пропагандистскую антирелигиозную работу, реанимировать деятельность организаций Союза воинствующих безбожников. Произошло это по той причине, что формальная ликвидация деятельности религиозных конфессий в СССР не смогла остановить реальную религиозную жизнь на местах, в том числе и у католиков. Она приобрела частично полулегальный, частично — нелегальный характер, но все же продолжалась.

Яркий пример, описанные в архивных документах события происходившие, в кантональном центре АССР немцев Поволжья, католическом селе Мариенталь, в других католических селах кантона на рождество в ночь с 24 на 25 декабря 1935 г. По решению Мариентальского канткома ВКП(б) в этот вечер во всех сёлах кантона должны были проводиться антирелигиозные беседы. Однако они нигде не состоялись. В то же время, по информации НКВД, во многих сёлах, в том числе и в кантональном центре, «вечером собрались группы молодёжи, изображая «младенца Христа», ходили по домам, раздавая детям рождественские подарки, пели религиозные песни». Вручая детям подарки, некоторые из «божественных младенцев» задавали детям вопросы вроде того, что был задан мальчику Лео Юнкеру: молится ли он за своего отца, осуждённого на 10 лет, чтобы тот выжил и поскорее вернулся из заключения? [4. Д. 3055к. Л. 3-4].

Рецидивы религиозности в немецких селах происходили постоянно. Ночные религиозные шествия, подпольные религиозные собрания, всевозможные религиозные ритуалы — типичное содержание пунктов отчетов Союза воинствующих безбожников за каждый год по Немреспублике. Кроме того, важным отличием от православия было то обстоятельство, что католики и лютеране были более непримиримы к антирелигиозной политике большевиков, и пытались в острых формах отстаивать свои религиозные чувства и стремления. Всякая власть от Бога — не стало девизом религиозного населения Немреспублики.

Более того, после принятия новой Конституции СССР усилилось движение за открытие церквей, которые не были официально закрыты, но, отобранные в свое время властью у верующих, использовались на различные местные нужды. Новым явлением неформальной религиозной жизни стали священнослужители — «передвижники». Перемещаясь из села в село, они совершали необходимые верующим людям религиозные обряды (крещение, венчание и т.п.). Одновременно

они же выполняли роль церковных пропагандистов, разъясняя людям смысл происходивших событий с точки зрения своей веры [4. Д. 3055к. Л. 48-49].

Таким образом, возник интереснейший феномен: представители официальной церкви, ушли в подполье, взяв на вооружение формы и методы работы нелегальных сект, против которых сами когда-то вели непримиримую борьбу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если государственная политика в отношении разных конфессий и имела какие-то незначительные различия в 1920-е гг., то в 1930-е гг., в условиях развернутого наступления социализма по всему фронту с его индустриализацией, коллективизацией и «культурной революцией» государство вело себя в отношении всех религиозных конфессий одинаково: его агрессивно напористая и репрессивная политика была призвана навсегда покончить с религией и сформировать человека нового социалистического общества, вдохновляющегося не религиозными постулатами, а возвышенными идеями коммунизма — счастья не на небе, а на земле.

Однако верующие далеко не всегда и не везде разделяли эти цели государства. Поэтому имело место сопротивление верующих антицерковной политике — в разных формах и разной интенсивности. Наиболее непримиримыми в этой неравной борьбе в Саратовском Поволжье оказались католики. Как показывает исследование, именно в католических селах оказывалось наиболее упорное сопротивление государственной политике коллективизации и ликвидации церкви, в том числе — с применением силовых методов борьбы.

Причиной такого отчаянного сопротивления являлся относительно замкнутый образ жизни католических сельских общин, последовательное и бескомпромиссное соблюдение религиозных и иных традиций, слабое проникновение в среду верующих различных новых религиозных идей и социальных практик. Упорно не желая принимать «новую жизнь», католическое конфессиональное меньшинство в Саратовском Поволжье обрекало себя на жестокие репрессии власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М. 1999. С. 77-100.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. Изд. ЦСУ Союза СССР. М. 1928. 138 с.
3. *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов. 2001. 382 с.
4. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 6160. Оп. 1.
6. *Герман А. А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. 2000. 320 с.
7. *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М. 2007. 576 с.

THE ANTI-CLERICAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE SARATOV VOLGA REGION AND THE RESISTANCE OF THE CATHOLICS (1930s YEARS)

Yakovleva Janna Vladimirovna

Saratov State University, Russia

jgv1972@ya.ru

This article deals with the seizure process, to which the churches were being subjected during the Soviet anti-religious campaign from the late 1920s to the first half of the 1930s in the Volga area. The author investigates the behavior of Catholics in their parishes. It is also convincingly shown in the article that the German farmers offered irreconcilable resistance to the anti-religious Soviet policy to defend their traditional principles.

Keywords: religious life, believers' resistance, Saratov Volga region, the Volga German Republic, anti-religious campaign, closing of churches, Catholicism.